

Инженеръ И. Я. Аршавскій

ГЛАВА VI

МЕЖДУ КАЗАРМОЙ И КАБИНЕТОМЪ МИНИСТРА

Къ осени 1916 года было уже ясно, что Истъ-Энду придется пойти служить, если только еврейское общество хочет избѣжать скандала, который навѣки похоронитъ доброе имя еврейства въ Англии. Для англичанъ уже введена была конскрипція. Десятки молодыхъ людей изъ Уайтчэпеля, мнѣ совсѣмъ незнакомыхъ, приходили ко мнѣ въ Чельси и спрашивали:

— Что дѣлать? Есть ли хоть какая нибудь надежда, что правительство согласится образовать полкъ для Палестины?
Но правительство все еще не соглашалось. Китченера уже не было

(онъ погибъ 5-го іюня 1916 года), но духъ его все еще господствовалъ въ военномъ министерствѣ, и въ генеральномъ штабѣ все еще преобладали противники наступленія на востокъ.

Опять я устроилъ совѣщаніе съ немногими друзьями нашего дѣла. Мы рѣшили, что теперь настало время для новой, совѣмъ уже гласной, попытки поставить и правительство, и общественное мнѣніе лицомъ къ лицу съ совершившимся массовымъ фактомъ. Планъ нашъ сводился къ тому, чтобы собрать тысячу или больше подписей подъ заявленіемъ слѣдующаго содержанія:

«Я, нижеподписавшійся, настоящимъ заявляю: если будетъ учрежденъ еврейскій полкъ, предназначенный исключительно для двухъ цѣлей, а именно: 1. охрана самой Англій, 2. операціи на палестинскомъ фронтѣ, — я обязуюсь добровольно вступить въ такой полкъ.»

Лозунгомъ нашей кампаніи рѣшено было сдѣлать два слова: «Home and heim». Если наберется достаточно подписей, мы подадимъ правительству соотвѣтствующую петицію. Вся работа должна быть проведена на частныя средства (ихъ предоставилъ намъ Джозефъ Коуэнь). Я телеграфировалъ въ Коленгагенъ М. И. Гросману: «пріѣзжайте». Онъ отвѣтилъ: «ѣду». Но еще за день до его пріѣзда мы выпустили первый номеръ ежедневной газеты на идишъ, не только подъ его редакціей, но даже съ передовицей за его подписью (я самъ ее сочинилъ, но Бейлинъ, прекрасный стилистъ на этомъ языкѣ, тщательно выправилъ мой слогъ, чтобы не посрамить юриста Гросмана). Газета называлась «Наша Трибуна». Главными сотрудниками были Бейлинъ, Пинскій и Кайзеръ — первые двое уже обладали нѣкоторой извѣстностью, какъ писатели на обоихъ еврейскихъ языкахъ, а третій, хотя почти новичекъ, оказался очень остроумнымъ фельетонистомъ. Техническую сторону кампаніи взяли на себя Гарри Фирстъ и молодой инженеръ изъ Россіи, И. Я. Аршавскій: онъ какъ то пришелъ въ одно изъ нашихъ собраній просто послушать и тутъ же обратился въ нашу вѣру, и съ того дня отдалъ въ наше распоряженіе не только свои неплотныя организаторскія способности, но и свои широкія плечи и еще до десяти мускулы. И то и другое понадобилось... Съ ними работало еще до десяти человѣкъ молодежи.

Гросманъ пріѣхалъ, а черезъ нѣсколько дней неожиданно прибылъ и Трумпельдоръ. Всѣ его старанія добиться на мѣстѣ, въ Алексан-

дрии, второго изданія Zion Mule Corps ни къ чему не привели: отрядъ былъ демобилизованъ.

Черезъ два дня послѣ того, какъ на улицахъ Иствь-Энда, Сого, Стэмфордъ-Хилля и другихъ отрѣзковъ лондонскаго гетто появилось наше воззваніе, Гербертъ Сэмюэль вызвалъ меня къ себѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

— Мы все вамъ очень признательны за эту инициативу, — сказалъ снѣ. — Можетъ ли министерство въ чемъ нибудь вамъ помочь?

— Только въ одномъ, — отвѣтилъ я: — дайте намъ официальное заявленіе, что, если мы соберемъ тысячу подписей, правительство санкціонируетъ учрежденіе полка для Home and Heim. Если вы это сдѣлаете, я ручаюсь за успѣхъ. Если не сдѣлаете — не скрою своихъ опасеній: недоброжелатели скажутъ, что вся наша затѣя — подвохъ, что мы просто хотимъ выловить для правительства имена еврейскихъ волонтеровъ, а тутъ ихъ и схватятъ, разошлютъ по англійскимъ батальонамъ и отправятъ на бойню во Фландрію. Это, конечно, сильно помѣшаетъ нашей работѣ.

— Такого заявленія дать я вамъ не могу, — возразилъ Сэмюэль. — Это не отъ меня зависитъ на это нужно рѣшеніе всего кабинета. И вы знаете, что еврейское общество — особенно сіонисты — настроены рѣзко противъ этого проекта.

— Столь же рѣзко настроены мои друзья и я противъ мысли о томъ, чтобы молодежь Иствь-Энда пошла на службу въ чужіе полки воевать за чужое дѣло.

Онъ развелъ руками, помолчалъ и спросилъ:

— Не могу ли я быть вамъ полезенъ въ какой нибудь другой формѣ?

Я поблагодарилъ и отказался. Искренно признаюсь, что я потомъ горько жалѣлъ объ этомъ гордомъ, но непрактичномъ отвѣтѣ. Слѣшкомъ сильна оказалась во мнѣ старая закваска россійскаго радикализма, привычка смотрѣть на «начальство», какъ на нѣчто нечистое, отъ чего порядочному человѣку не подобаетъ принимать какую бы то ни было помощь. Я забылъ, что въ Англій такое отношеніе къ власти неумѣстно и нелѣпо. Одну форму помощи я долженъ былъ отъ него принять и даже потребовать: обезпеченіе порядка на нашихъ публичныхъ митингахъ.

Ровно мѣсяць продолжалась наша кампанія: полный провалъ. Мы

собрали всего около трехсотъ подписей — и жизнь Истъ-Энда въ эти недѣли превратилась въ непрерывный скандалъ. Правда, на первомъ митингѣ нашемъ было тихо: у противниковъ еще было подозрѣніе, что гдѣ то за кулисами мы припрятали полицію, какъ это дѣлалось при вербовкѣ въ англійской средѣ. Но ко второму собранію они уже открыли всю глубину и всю наивность нашего благородства — и принесли съ собою не только свистки, но и запасы картошки, — въ качествѣ метательныхъ снарядовъ. Какъ всегда, скандалисты были въ сущности небольшою группой — говорятъ, всего человѣкъ тридцать; но они хорошо организовались. Мы ихъ встрѣчали повсюду, отъ Майль-Энда на востокѣ до Ноттингъ-Хиля на западѣ. Тридцать крикуновъ — огромная сила, когда противная сторона полицію вызвать не хочетъ, а сама заняться избіеніемъ (количественно мы бы могли уже и тогда провести эту операцію съ полнымъ успѣхомъ) не рѣшается, чтобы не подорвать моральнаго престижа своей пропаганды. Мы созывали все новыя и новыя собранія, издавали свою газету («самъ» г. Чичеринъ призналъ въ какой то корреспонденціи, которая была напечатана въ Парижѣ, что въ литературномъ отношеніи газета редактировалась хорошо), но результатъ въ сущности обнаружился уже съ первой недѣли: провалъ.

Изъ всѣхъ воспоминаній моей жизни этотъ мѣсяць, вѣроятно, самое тяжелое — хочется даже сказать: отвратительное. Но справедливость требуетъ признать, что во всемъ этомъ меньше всего, можетъ быть, виновата была сама подлинная уайтчепельская масса. Она въ подавляющемъ большинствѣ искренно хотѣла насъ выслушать. Всѣ, кто посерьезнѣе, и старые и молодые, уже тогда понимали, что создано положеніе, изъ котораго нужно найти выходъ положительный, что отыгаться въ ничью тутъ уже невысказано. Но какъ могли они вѣрить въ то, что путь, предлагавшійся нами, есть путь возможный? Со многихъ сторонъ, особенно же со стороны официально-сіонистской (жалѣю, что приходится это сказать, но долженъ), имъ нашептывали на ухо, что мы только дурачимъ и себя, и публику, что правительство никогда ни за что не согласится на особый полкъ, и что вся затѣя — какъ я и предупреждалъ Сэмюэля — кончится подвохомъ. Со стороны правительства планъ нашъ явно не имѣлъ никакой поддержки. Ясно, что на такой почвѣ подозрительности и сомнѣній уже не трудно было шайкѣ хулигановъ создать настроеніе паники, запугивать каж-

даго, кто пытался серьезно вдуматься въ наши проекты, что онъ предатель, что онъ помогаетъ заманить своихъ братьевъ «не въ Палестину, а въ Вердэнъ».

Надо и то признать, однако, что у этого маленькаго хора оказался первоклассный дирижеръ: рука, незримо для насъ размахивавшая палочкой, принадлежала тому самому пріятелю м-ра Кинга, м-ру Чичерину.

Продержавшись четыре недѣли, мы рѣшили прекратить кампанію и закрыть газету. Гросманъ уѣхалъ обратно въ Копенгагенъ. А я далъ себѣ святой зарокъ: въ слѣдующій разъ (ибо мы еще увидимся) кампанія наша будетъ проведена въ образцовомъ порядкѣ, во сколько бы это ни обошлось разбитыхъ головъ, — и м-ръ Чичеринъ будетъ тогда сидѣть спокойно и не вмѣшиваться въ наши дѣла.

**

И ровно черезъ мѣсяць послѣ этого, кажется, величайшаго изъ всѣхъ моихъ проваловъ, вдругъ самъ собою выстроился тотъ краеугольный камень, на которомъ суждено было впоследствии укрѣпиться еврейскому легіону.

Трумпельдоръ, поселившійся неподалеку отъ меня въ Чельси, пришелъ ко мнѣ однажды утромъ и показалъ записку: «мы вчера пріѣхали, находимся въ казармахъ по такой то улицѣ. Насъ 120 человекъ. Приходите. Ниссель Розенбергъ».

— Кто такой Ниссель Розенбергъ?

— А вы его не помните изъ Габбари? Онъ былъ тамъ одинъ изъ лучшихъ работниковъ, а у меня въ отрядѣ — одинъ изъ лучшихъ сержантовъ.

Эти сто двадцать бывшихъ солдатъ александрійскаго отряда опять записались въ армію. Изъ Александріи ихъ доставили въ Лондонъ. Ыхали они съ приключеніями, гдѣ то близъ Крита напоролись на мину и спаслись вплавь, но доѣхали. Когда мы къ нимъ пришли, оказалось, что у нихъ одна главная забота: опредѣлять ли ихъ всѣхъ въ одинъ и тотъ же батальонъ, или разбросаютъ по разнымъ лагерямъ. Непосредственное начальство въ той казармѣ, сразу не влюбившее экзотическую компанію, напугало ихъ предсказаніемъ, что несомнѣнно разбросаютъ.

— Надо взять за бока Патерсона, чтобы онъ взялъ за бока Эмери, — сказалъ Трумпельдоръ.

Патерсонъ къ тому времени командовалъ базой ирландскаго полка въ Портобелло-Барраксъ, въ Дублинѣ; капитанъ Эмери имѣлъ уже свой кабинетъ въ секретаріатѣ у Ллойда Джорджа. Обоихъ «взяли за бока», и черезъ два дня получилось сообщеніе, что всѣ александрійцы, за исключеніемъ тѣхъ, которые при медицинской провѣркѣ окажутся негодными для строевой службы, будутъ скопомъ отправлены въ 20-й Лондонскій батальонъ, лагерная база котораго находится подъ Винчестеромъ; и больше того — тамъ изъ нихъ будетъ образована особая рота.

Эмери сказалъ, какъ всегда глядя въ полъ и скупю цѣдя слова, и какъ всегда къ дѣлу:

— Это, пожалуй, и есть то ядро, котораго намъ не доставало. Теперь надо только умѣть использовать этотъ фактъ. Настроеніе въ пользу вашего плана имѣется и въ правительствѣ, и въ обществѣ. Смотрите, чтобы ядро оказалось прочнымъ. Все, пожалуй, зависитъ отъ этого.

Онъ былъ правъ — настроеніе къ тому времени уже явно клонило въ сторону нашего проекта. Уже нѣсколько мѣсяцевъ шла канцелярская переписка о еврейскомъ легіонѣ между военнымъ министерствомъ, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, секретаріатомъ Ллойда Джорджа, русскимъ посольствомъ; и почти всю переписку эту вѣдали убѣжденные друзья нашего дѣла — капитанъ Эмери, сэръ Рональдъ Грэхемъ, К. Д. Набоковъ. М-ръ Кингъ, изъ Савла ставшій Павломъ, свелъ меня съ редакціей одного изъ виднѣйшихъ либеральныхъ органовъ Англій — *The Nation*. Тамъ помѣщено было пространное мое письмо съ обоснованіемъ, почему какъ разъ радикальные круги британскаго общества должны, въ интересахъ либеральной традиціи, поддержать идею легіона. Х. Е. Вейцманъ познакомилъ меня съ Ч. П. Скоттомъ, редакторомъ газеты *Manchester Guardian*. Эта газета, какъ извѣстно, занимаетъ въ Англій то же положеніе, какое принадлежало въ русской печати «Русскимъ Вѣдомостямъ»; а самъ м-ръ Скоттъ, старикъ съ обликомъ патріарха и глазами юноши, считался тогда — если не ошибаюсь, считается и по сей день — самой выдающейся фигурой въ журнальномъ мірѣ страны. Ллойда Джорджъ признавалъ его своимъ учителемъ, и потому передовицы манчестерской газеты имѣли въ то время особен-

посл
ный вѣсь. Одна изъ этихъ передовицъ была посвящена плану легіона. Но еще важнѣе была для насъ поддержка «Таймса». Лордъ Нортклиффъ былъ въ то время въ апогеѣ своей власти: слово «Таймса» считалось окончательнымъ приговоромъ. Но главнымъ редакторомъ всемогущей газеты былъ тотъ самый Генри Уикхемъ Сидъ, къ которому Сеньобосъ въ Парижѣ далъ мнѣ когда то рекомендательную карточку. Я предъявилъ эту карточку и познакомился съ г. Сидомъ еще весною того года. Сиды кто то называлъ умнѣйшимъ изъ англичанъ. Поскольку я встрѣчался съ англичанами — думаю, что это похоже на правду. Это человекъ исключительно широкой культуры; половину своей жизни онъ провелъ въ разныхъ странахъ Европы.

Однажды я пришелъ къ нему и сказалъ:

— Теперь насталъ моментъ для выстрѣла изъ большой пушки: нужна статья въ «Таймсѣ».

— Напишите письмо въ редакцію, — отвѣтилъ онъ, — а я дамъ передовицу.

Когда появился этотъ номеръ газеты, въ ресторанѣ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ нашихъ ругателей, кисло улыбнулся и сказалъ:

— Ваше дѣло въ шляпѣ: «Таймсѣ» высказался...

Эмери былъ правъ: все теперь зависѣло отъ маленькой «экзотической» роты въ 20-мъ Лондонскомъ батальонѣ. Это корень; если онъ уцѣлѣетъ, вырастетъ дерево; если сгніетъ, пропало.

Я поѣхалъ въ Винчестеръ. Мѣстность Хэзлей-Даунъ, гдѣ находился лагерь, была въ четырехъ миляхъ отъ города. Лагеремъ командовалъ подполковникъ Эштонъ Пауноль (теперь онъ — консервативный членъ палаты общинъ): учтивый, мягкій, нѣсколько застѣнчивый джентльменъ въ пенснѣ. Я спросилъ его:

— Примете меня рядовымъ — съ тѣмъ, чтобы я попалъ въ вашу пятую роту? («Е» Company — такъ они назывались официально).

— Милости просимъ, — сказалъ онъ, — и пригласилъ меня къ завтраку въ офицерской столовой. Потомъ я объ этомъ жалѣлъ: очень неприятно было стоять на вытяжку передъ молодыми людьми, съ которыми я мѣсяць тому назадъ обмѣнивался анекдотами за кружкой пива.

**

Трумпельдоръ въ то время хлопоталъ о зачисленіи въ армію —

конечно, въ офицерскомъ чинѣ, хотя бы подпоручикомъ; отказъ еще не получился, и оба мы были вновь полны надеждъ.

Послѣ поѣздки въ Винчестеръ мы зашли къ Эмери рассказать про «пятую роту». Онъ выслушалъ, помолчалъ, посмотрѣлъ въ полъ и сказалъ:

— Миѣ кажется, что теперь полезно было бы подать премьеру обстоятельную докладную записку о вашемъ планѣ съ указаніемъ, что въ Винчестерѣ имѣется ядро. Если хотите, можете подать черезъ меня.

Мы отсидѣли три вечера за составленіемъ записки; Эмери просмотрѣлъ ее, указалъ нужныя поправки, и наканунѣ моего превращенія въ солдата, пока еще я былъ свободнымъ гражданиномъ изъ за границы (кажется, 21-го января 1917 года), мы съ Трумпельдоромъ подписали этотъ документъ, которому суждено было вскорѣ очутиться на столѣ тайныхъ засѣданій военнаго кабинета.

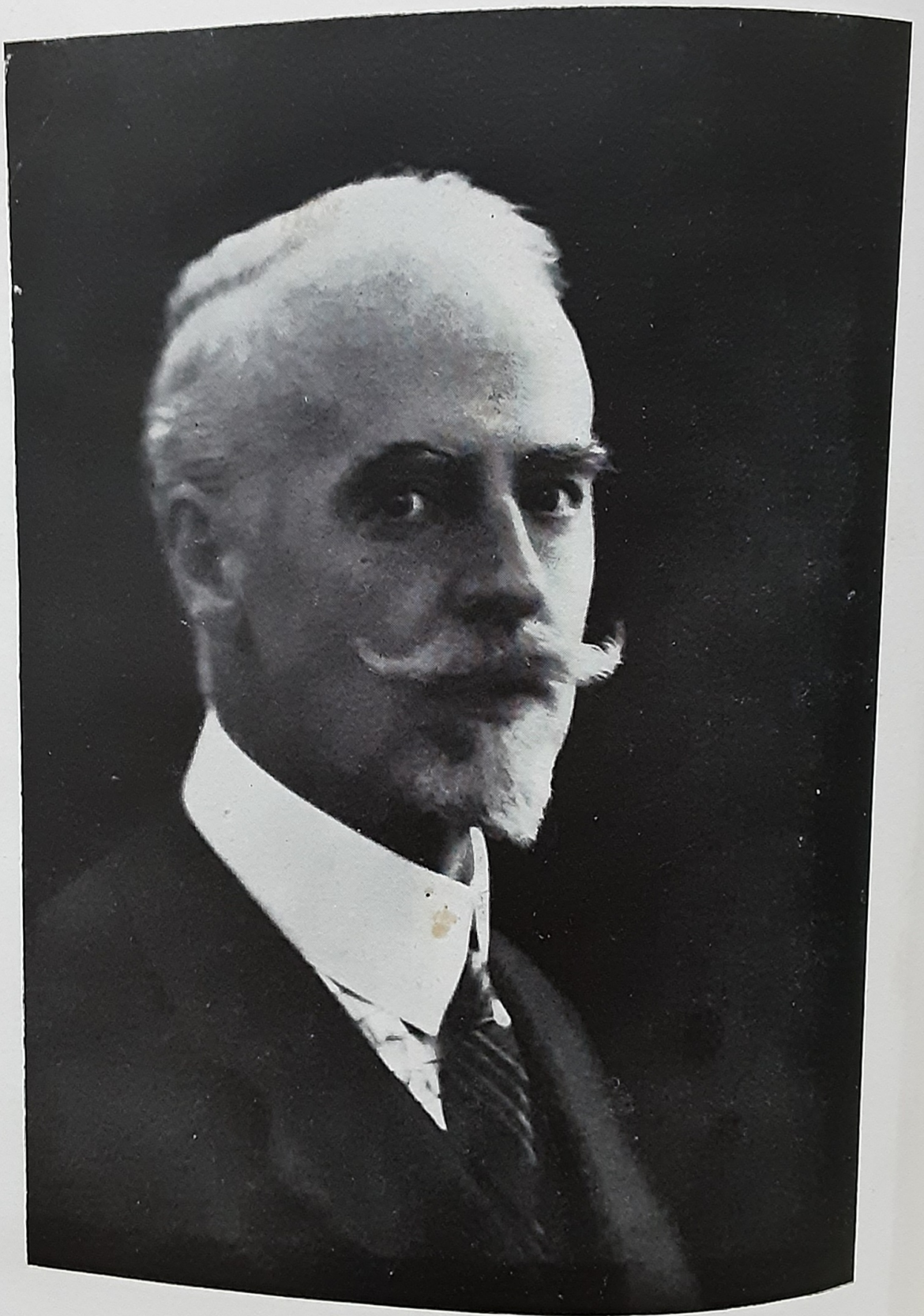
Еще одну рукопись успѣлъ я сдать по назначенію наканунѣ того, какъ лишился права высказывать печатно свои мысли на военныя темы: это была книга «Турція и война», которую я написалъ для издательства Фишеръ Унвинъ. Въ ней развивались три основныя мысли: первая — Турція должна быть раздѣлена, въ этомъ весь смыслъ войны и главное средство противъ будущихъ войнъ; вторая — Палестина должна войти въ сферу британскаго вліянія; третья — главный фронтъ войны есть фронтъ восточный.

Прямо отъ издателя я поѣхалъ въ рекрутское бюро, принесъ присягу и получилъ «королевскій шиллингъ» — точнѣе, два шиллинга и 6 пенсовъ — въ счетъ моего солдатскаго жалованья.

*
**

Я упомянулъ имя Г. У. Стида: его заслуги передъ сіонизмомъ даютъ ему право на болѣе подробное знакомство читателя. Не только въ исторіи легіона, но и въ исторіи деклараціи Бальфура онъ сыгралъ исключительно важную роль. За мѣсяць передъ 2-мъ ноября 1917 г., когда ассимиляторы — кажется, все съ тѣмъ же неугомоннымъ лордомъ Суэтлингомъ опять во главѣ — дѣлали рядъ послѣднихъ усилій, чтобы предостеречь правительство отъ сіонистскаго шага, Сидъ отвилъ имъ уничтожающей передовой статьей, и это ихъ и прикончило. «Таймсъ высказался...»

Еще молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 30 назадъ, Сидъ былъ корреспон-

Генри Уикхэмъ Стьдъ.

дентомъ того же «Таймса» въ Вѣнѣ. Тамъ онъ и познакомился съ Герцлемъ, и скоро они стали друзьями. Онъ понималъ и Герцля, и сіонизмъ, какъ рѣдко понимаютъ христіане, — внутреннюю, утонченно-эстетическую и этическую сторону движенія, отвратительность самоотдарственной самобытности. И, конечно, какъ бываетъ съ каждымъ неевреемъ, который «слишкомъ» вглядывается въ еврейскую душу, многіе изъ соплеменниковъ нашихъ считали и считаютъ его «антисемитомъ». Признаюсь, я никогда не понималъ этой привычки нашей — усматривать Гамана нечестиваго въ каждомъ арійцѣ, который позволить себѣ рассказать еврейскій анекдотъ, причемъ его анекдотъ еще похожъ на ласку въ сравненіи съ тѣмъ, что мы сами о себѣ рассказываемъ. Стыдъ говорилъ о евреяхъ такъ точно, какъ говорилъ бы о нихъ сіонистъ; называлъ ассимиляцію поддѣлкой; вѣрилъ въ силу еврейскаго народа (въ его книгѣ «Монархія Габсбурговъ» глава о народностяхъ старой Австріи начинается фразой: «важнѣйшая изъ нихъ — еврейская национальность»); о Герцлѣ онъ умѣлъ говорить съ трогательной и почетительной серьезностью. Свою дружбу онъ доказалъ реальными и важными услугами въ самый отвѣтственный моментъ нашей новой исторіи. Говорятъ, въ послѣднее время онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ (теперь онъ давно ушелъ изъ «Таймса» и редактируетъ ежемѣсячную Review of Reviews) нѣсколько весьма критическихъ статей о евреяхъ. Возможно; я не читалъ; но охотно ему разрѣшаю. Стыдъ заслужилъ право говорить съ нами, какъ ему угодно.

*

**

О казарменныхъ моихъ переживаніяхъ подробно рассказывать не стоить: служилъ рядовымъ, какъ всѣ рядовые, только безъ той молодости и ловкости, что полагаются рядовому. Въ первые дни, пока у меня еще ломило предплечья отъ анти-тифозной прививки, подметалъ полы въ нашемъ баракѣ и мылъ столы въ столовой у сержантовъ. Сержантъ Блитштейнъ изъ нашей роты сказалъ мнѣ: «отлично вымыли». Сержанты даже хотятъ просить полковника, чтобы васъ вообще назначили на эту должность при нашей столовой». Этотъ Блитштейнъ, русскій еврей, Богъ вѣсть какъ попавшій на полицейскую службу въ Александріи, охранялъ когда то порядокъ у насъ при бѣженскомъ баракѣ въ Габбари: большой острякъ и вообще славный малый, изъ по-

роды добродушныхъ и циничныхъ толстяковъ. Однако, на ту должность меня не назначили, а наоборотъ — скоро перевели въ команду для подготовки унтеровъ: конечно, не за мои таланты, а исключительно по любезности полковника.

За то интересны были мои товарищи по «пятой ротѣ». Въ началѣ этихъ записокъ я рассказывалъ о Габбари и о пестротѣ тамошняго состава. Здѣсь было меньше народу, но не меньше разнообразія. Большинство, конечно, уроженцы Россіи, въ томъ числѣ три или четыре субботника чисто русской крови — по еврейски «геры»: какъ полагаются, бѣлокурые и синеглазые, притомъ съ очень чистымъ произношеніемъ по древне-еврейски — по русски зато уже говорили съ акцентомъ. Одинъ изъ нихъ, Матвѣевъ, добрался до Палестины всего за нѣсколько недѣль до войны: пришелъ пѣшкомъ изъ Астрахани въ Іерусалимъ прямо черезъ Месопотамію; въ субботніе вечера онъ очень серьезно напивался, совсѣмъ по волжскому, и тогда ложился въ углу на свою койку и въ голосъ читалъ псалмы Давидовы въ оригиналѣ изъ стараго молитвенника. Еще было тамъ семь грузинскихъ евреевъ, всѣ съ очень длинными именами, кончавшимися на «швили». Забавно было слышать, какъ англійскіе сержанты ломали себѣ надъ ними языки по утрамъ во время переклички: «Паникомошіашвили!» — «Есть!» Это были семеро молодцовъ какъ на подборъ, высокіе, стройные, съ правильными чертами лица, и первые силачи на весь батальонъ. Я ихъ очень полюбилъ за спокойную повадку, за скромность, за уваженіе къ самимъ себѣ, къ сосѣду, къ человѣку постарше. Одинъ изъ нихъ не премѣнно хотѣлъ отнять у меня вѣникъ, когда меня назначали мести. Другой, Сепіашвили, впоследствии, первый въ нашемъ легіонѣ получилъ медаль за храбрость. — Кромѣ того, были среди насъ египетскіе уроженцы, съ которыми можно было мнѣ сговориться только по итальянски или по французски. Два дагестанскихъ еврея и одинъ крымчакъ повѣряли другъ другу свои тайны по татарски. А былъ тамъ одинъ, по имени Девикалогло, настоящій православный грекъ, невѣдомо какъ попавшій къ намъ — и съ нимъ я уже никакъ не могъ сговориться: если бы сложить насъ обоихъ вмѣстѣ, то знали мы вдвоемъ десять языковъ — только все разные.

Не всѣ они остались съ нами до конца. О доброй половинѣ я вообще не знаю, что привело ихъ въ казарму. Можетъ быть, консулъ заставилъ, или голодъ, или страсть къ приключеніямъ, или вообще

шальная атмосфера военного времени, когда шагаешь и не отдаешь себя отчета, куда. Къ Палестинѣ у этой части, во всякомъ случаѣ, никакого касательства не было. Отъ нихъ мы скоро избавились — роздали ихъ въ рабочіе батальоны, въ обозъ, нѣкоторыхъ просто отпустили на свободу, другихъ вернули въ Александрію. Къ началу весны осталось всего человѣкъ 60: зато настоящихъ. Это не значитъ, чтобы съ ними не было у насъ заботъ. Заботъ было много, особенно много стало съ того момента, когда изъ Россіи пришли вѣсти о первой революціи, а у насъ тутъ все еще не было еврейскаго легіона. Помню утро, когда 20 человѣкъ вдругъ отказались выйти на ученіе и предъявили ультиматумъ — а на военномъ языкѣ это называется бунтъ. Два дня бился я съ ними, изоощряя всѣ свои дипломатическія способности; если бы не безконечный тактъ полковника Паунола, дѣло бы кончилось катастрофой, военнымъ судомъ и, можетъ быть, распадомъ всего моего «ядра». Полковникъ понялъ положеніе и пошелъ на уступки, вѣроятно, совершенно безпримѣрныя въ исторіи англійской арміи. Съ его разрѣшенія забастовщики наши выбрали делегата, и я повезъ его въ Лондонъ къ К. Д. Набокову: графъ Бенкендорфъ тогда уже умеръ, и Набоковъ былъ исправляющимъ должность посла. Понялъ положеніе и онъ: принялъ моего делегата съ обворожительной любезностью, увѣрилъ его, что, насколько извѣстно посольству, образованіе легіона предстоитъ въ ближайшемъ времени, а что касается до свободной Россіи, то она требуетъ отъ этихъ гражданъ своихъ одного — довести до конца героическую борьбу за идеаль, которую они такъ блестяще начали въ Галлиполи.

А все таки, несмотря на это приключеніе и на много другихъ зазвездокъ, эти были «настоящіе». 60 человѣкъ никакъ не могли считаться ротой, и насъ разжаловали въ простой чинъ взвода. Но этотъ «шестнадцатый взводъ» дѣйствительно сыгралъ роль ядра. Не только въ томъ смыслѣ, что вокругъ него и создался весь легіонъ, но и въ томъ смыслѣ, что въ самомъ легіонѣ они потомъ играли роль ветерановъ, позвоночнаго столба и желѣзной скрѣпы.

**

Изъ казармы я продолжалъ переписку съ Эмери и Грэхемомъ. Докладная записка наша съ Трумпельдоромъ была подана премьеру, ее уже обсуждали въ засѣданіи военнаго кабинета; и кабинетъ предло-

Полковникъ сэръ Эштонъ Пауноль.

жилъ военному министру «обсудить детали плана съ авторами докладной записки».

Это было незадолго до нашей Пасхи. Я находился въ отпуску въ Лондонѣ, жилъ тамъ на старой своей квартирѣ въ Челси, и туда мнѣ разъ доставили отъ руки написанное письмо генерала Вудворда, бывшего тогда директоромъ организационнаго отдѣла при военномъ министерствѣ. Генераль просилъ меня пожаловать въ министерство сегодня же въ 2 часа, на свиданіе съ министромъ лордомъ Дарби. По первому слову письма — «сэръ» — и по всему его содержанію, я понялъ одно: ни генералу, ни министру невѣдомо, что «сэръ» этотъ состоитъ теперь рядовымъ одного изъ пѣхотныхъ батальоновъ британской арміи. Мы устроили съ Трумпельдоромъ военный совѣтъ. Какъ тутъ быть? Увидѣвъ на мнѣ солдатскую фуражку, не испугаются ли министр и генераль такой безпримѣрной неслыханности, какъ политическое совѣщаніе между главой военнаго министерства и рядовымъ пѣхотинцемъ? Я готовъ былъ просить Трумпельдора замѣнить меня, но онъ не довѣрялъ своему англійскому краснорѣчію. Въ концѣ концовъ, мы рѣшили ѣхать вдвоемъ. Ровно въ два часа, у дверей кабинета директора организациіи въ военномъ министерствѣ, я передалъ ординарцу генерала Вудворда наши визитныя карточки. Насъ сейчасъ же пригласили войти. Я собрался съ духомъ, выпятилъ грудь, маршемъ вступилъ въ кабинетъ, какъ полагается, съ фуражкой на головѣ, вытянулся, отдалъ честь и представилъ Трумпельдора и себя.

Долженъ сдѣлать генералу комплиментъ: хотя лицо его выразило совершенно гомерическую степень изумленія, на словахъ этого онъ не показалъ. Онъ сказалъ: «Oh yes... я доложу министру» — и вышелъ, не глядя на насъ. Зато у министра онъ просидѣлъ больше пяти минутъ. Трумпельдоръ подмигнулъ и пробормоталъ:

— У нихъ тоже военный совѣтъ.

Наконецъ, вышелъ изъ того кабинета секретарь и пригласилъ насъ къ министру. Тутъ уже я, слава Богу, могъ снять фуражку: лордъ Дарби — штатскій, стоять на вытяжку необязательно.

Министръ оказался высокимъ, широкимъ бариномъ, въ тѣлѣ, классическаго, хотя въ жизни теперь очень рѣдкаго, Джонъ-Булевскаго типа, съ полнокровнымъ лицомъ; говорилъ онъ съ акцентомъ, который въ Англійи называютъ помѣщичьимъ, т.-е. произносилъ окончаніе «ng» просто какъ «п» — speakin', writin'. У простонародія это считается не-

057 757

достаткомъ, но для лорда это, говорятъ, шикъ. Впрочемъ — очень милый, веселый и привѣтливый господинъ.

Мы усѣлись; генераль сидѣлъ въ углу и молчалъ.
— Премьеръ-министръ поручилъ мнѣ, — сказалъ лордъ Дарби, — разспросить васъ о подробностяхъ вашего плана еврейской боевой единицы.

Я рассказалъ: слава Богу, зналъ эту премудрость уже наизусть и со сна могъ бы ее изложить безъ запинки.

— «I see» — отвѣтилъ министръ. — Теперь другой вопросъ. Считаете ли вы, что созданіе такого контингента послужитъ серьезнымъ толчкомъ къ большому притоку волонтеровъ?

Отвѣтилъ ему Трумпельдоръ съ настоящей солдатской точностью:
— Если это просто будетъ полкъ изъ евреевъ — пожалуй. Если это будетъ полкъ для Палестины — тогда очень. А если вмѣстѣ съ этимъ появится правительственная декларация въ пользу сіонизма — тогда чрезвычайно.

Лордъ Дарби мило улыбнулся и сказалъ:

— Я — только военный министръ.

Трумпельдоръ мило улыбнулся и сказалъ:

— Я только отвѣчаю на вашъ вопросъ.

— «I see» Теперь третій вопросъ: я слышалъ, что въ 20-мъ Лондонскомъ батальонѣ есть группа солдатъ сіонистовъ, изъ бывшихъ чиновъ Zion Mule Corps.

— Такъ точно, 16-й взводъ, — сказалъ я, — тамъ я и служу; а капитанъ Трумпельдоръ командовалъ ими въ Галлиполи.

Министръ и генераль переглянулись и тутъ только присмотрѣлись къ солдатскому обличью Трумпельдора и къ его неподвижной лѣвой рукѣ; потомъ Дарби слегка наклонилъ голову въ знакъ молчаливаго признанія, а генераль еще больше выпрямился на своемъ стулѣ въ углу.

— Что же по вашему полезнѣе, — продолжалъ министръ, — слѣдовать изъ этого взвода группу инструкторовъ для будущаго еврейскаго полка, или послать ихъ въ распоряженіе сэра Арчибальда Маррэй въ качествѣ проводниковъ для предстоящихъ операций на югѣ Палестины?

(Въ то время англійскія войска уже перешли Синайскую пустыню; генераль Маррэй (Murrey), тогдашній главнокомандующій египетской арміей, стоялъ недалеко отъ Газы).

Трумпельдоръ сказалъ:

— Насколько я знаю своихъ бывшихъ солдатъ, въ проводники они врядъ ли годятся. Генераль Маррэй легко найдетъ гораздо лучшихъ знатоковъ страны. А для роли инструкторовъ они вполне подходятъ.

— Но вѣдь въ Галлиполи они служили въ транспортѣ — вмѣшался генераль, — а полкъ предполагается пѣхотный.

— Полковникъ Пауноль, — сказалъ я, — очень доволенъ ихъ успѣхами въ строю, въ службѣ и въ штыковомъ бою; а кромѣ того — всѣ вмѣстѣ они говорятъ на 14-ти языкахъ, и это понадобится.

— Въ жизни не предполагалъ, — разсмѣялся министръ, — что есть на свѣтѣ цѣлыхъ четырнадцать языковъ.

Разсмѣялся и Трумпельдоръ. Мнѣ при генералѣ смѣяться не полагалось, и я доложилъ очень серьезно:

— Такъ точно, милордъ, есть — а чтобы сговориться съ евреями, и этого недостаточно.

— Ладно, — сказалъ министръ. — Очень вамъ благодаренъ, господа. Относительно имени новаго полка, полковой кокарды и всего прочаго сговорится съ вами генераль Геддесъ, директоръ отдѣла вербовки. Онъ васъ вызоветъ.

Мы откланялись и ушли.

На слѣдующее утро, когда я, вернувшись въ лагерь, рассказалъ объ этомъ свиданіи полковнику Паунолу, онъ отмѣтилъ тутъ неслыханное нарушеніе всѣхъ традицій британскаго военнаго министерства. Онъ высказалъ готовность дать руку на отсѣченіе, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ англійская армія, еще никогда не бывало такого происшествія съ рядовымъ.

Но не хотятъ бессмертные боги, чтобы возгордился человѣкъ, даже послѣ побитаго рекорда. Мнѣ объ этомъ въ то же утро очень нелюбезно напомнила дѣйствительность. Помню, солдаты ушли на ученіе, а я остался въ баракѣ, потому что за мной числился еще день отпуска. Какъ разъ наканунѣ, въ мое отсутствіе, получились первые экземпляры той самой книги моей «Турція и война», гдѣ, какъ дважды два четыре, было доказано, какъ и почему надо Турцію раздѣлить и кому что достанется; страшно мнѣ понравился красный коленкорový переплетъ, и я даже погладилъ его, словно мать голову перваго ребенка, и размечтался чрезвычайно оптимистически о судьбѣ этого дѣтища, о вліяніи, которое книга обязательно окажетъ на военныхъ специали-

стовъ, посрамивъ окончательно «западную» школу Китченера и утвердивъ побѣду «восточной» школы Ллойда Джорджа... Вдругъ въ баракъ влетѣлъ, въ предшествіи запыхавшагося сержанта, юный рыжій подпоручикъ: дежурный офицеръ на утренней ревизіи. Я всталъ. Онъ орлинымъ окомъ окинулъ окна, почему то закрытыя, нахмурился и сказалъ:

— Эй вы тамъ, рядовой въ очкахъ, — открыть!

— Которое, сэръ? — спросилъ я.

— Всѣ. болванъ этакій (you bloody fool) — изрекъ онъ и прослѣдовалъ дальше.

Сержантъ Нисель Розенбергъ
(Габбары — Галлиполи — Иорданская долина)